

А. А. Селин

К изучению персонального состава землевладельцев Северо-Запада Новгородской земли конца XV века*

Статья посвящена истории формирования чинов своеземцев и пятибежников на северо-западном пограничье Новгородской земли после падения независимого Новгорода. В статье ставится вопрос о конструировании новых чинов московскими дьяками в зависимости от конкретных политико-географических обстоятельств. Язык деловой документации создавался на ходу как ответ на вызов многообразия Московского государства. Принаровье как пограничная зона, где именно в конце XV в. нагнеталось противостояние с западным соседом, была одним из специфических полигонов конструирования сложной иерархии новых чинов. На биографическом материале прослеживается создание новых групп в Ямском и Ивангородском уездах. Оспаривается правомочность отождествления чинов и сословий. Рассматривается процесс развития чиновной системы в сторону упрощения в течение первых веков московской государственности.

Ключевые слова: Своеземцы, пятибежники, Ивангород, Ям, чин, многообразие.

Многообразии чинов и чиновных групп Московского государства конца XV в. так или иначе коррелирует с разнообразием пространства, на которое это государство распространялось. Полагаю, что зафиксированные в то время чины, в особенности нестоличные, были плодом живого творчества московских дьяков, вынужденных создавать новые иерархии, вписывая в них те группы, с которыми приходилось сталкиваться в разных областях, прежде всего – в недавно

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Правящая элита Русского государства последней четверти XV – середины XVI в.: электронная база данных и историко-генеалогическое исследование», № 16-06-00134а.

включенных в состав государства. Правомерно ли считать эти чины социальными группами – вопрос открытый.

Завоевание Новгорода в конце XV в. коренным образом изменило пограничное пространство в Понаровье (Бессуднова 2015). Здесь Московское государство впервые непосредственно соприкоснулось с Западной цивилизацией. Привычный и говорящий на сходном языке либеральных ценностей Новгород сменился военизированной и экспансионистской Москвой, что вело к культурному и интеллектуальному конфликту в пограничном общении.

Строительство Ивангорода напротив Нарвы не было акцией торгового соперничества, но военного противостояния. Пространство между Наровой и Лугой, где с 1383 г. существовала вторая крепость, Ям в конце XV в. было разделено на небольшие земельные участки и роздано мелким служилым людям, в чью задачу входила оборона крепостей. Принципиальные изменения на правом берегу Наровы претерпевает система расселения. Существует возможность примерно оценить численность и персональный состав этих служилых людей, а также эволюцию этой системы в течение первого столетия московской власти.

Присоединенная к Московской державе Новгородская земля стала своеобразной моделью для разнообразного приказного творчества формирующегося (и по ходу дела усложняющегося) аппарата управления. Именно здесь была апробирована поместная система (как показал М. М. Бенцианов, на первых порах она не сильно отличалась от известных по более ранним источникам кормлений (Бенцианов 2000)); именно на этой территории ставились эксперименты по созданию уездов как военных округов (Баранов 2000). Связано это было с беспрецедентными обстоятельствами: в руки московских великих князей перешли огромные территории, значительная часть земельного фонда на которых была конфискована и перешла во владение великого князя.

Округа Яма и Ивангорода была одним из важных районов таких экспериментов. Вокруг крепостей были образованы

особые округа, названные околородьями (Рис. 1). Такие территориальные округа были сродни погостам. Как убедительно показал К. В. Баранов, в административно-территориальном творчестве московские приказные первоначально предполагали создать на всей вновь присоединенной территории густую сеть уездов-округов, вокруг каждого приходского центра. Но столкнувшись, вероятно с тем, что центры этих округов не соответствовали уже сложившимся в Московском великом княжестве уездным центрам, здесь в Новгородской земле, была создана (сохранена?) административная сеть погостов-округов, низовая в территориальной организации; эти погосты составили уезды пригородов-крепостей (таких как Ям и Ивангород). Околородья представляли же собой сельские округа близ пригородов (кроме Яма и Ивангорода упоминаются также Порховское и Старорусское околородья), одного ранга с погостами. Уезды же, образованные в Новгородской земле в самом конце XV в. из определенного числа погостов (Книга ВП 1851: 91-287), были объединены несколькими функциями: видимо, прежде всего военной: существовала связь между уездными помещиками и обороной крепости; фискально-хозяйственной: уезды становились центрами, куда осуществлялись регулярные натуральные и денежные платежи¹; судебные. Касательно последних можно констатировать, что прямых источников о суде наместника в новгородских пригородах не обнаружено; в то же время термин «присуд», часто эквивалентный термину «уезд» вроде бы указывает на данные функции (Фролов 2008).

Основным источником для изучения персонального состава землевладельцев округа Ивангорода и Яма являются новгородские писцовые книги, а также связанный с ней

---

¹ Во время споров между русской и шведской межевыми комиссиями в Карелии в 1620 г. вопрос встал о принадлежности волостки Пуроярви (Пурозеро) Корельскому или Новгородскому уезду. Выяснить это предполагалось в частности путем установления того, куда крестьяне волостки платили ранее дань – в Корелу или Новгород. Подробнее: в моей работе (Селин 2016: 83 и далее).

комплекс поместной документации. Одновременно это – и давно исследуемый и используемый источник по административной географии Новгородской земли.

Местные землевладельцы, названные в первых сохранившихся писцовых книгах, своеземцами, по именам своих городов – ямлянами и ивангородцами, составляли большинство служилых людей своих городов.

В Ямском окологородье собственно все земли принадлежали «ямлянам» (за исключением с. Куровичи и д. Варива, числившихся за ямским наместником). Дворы ямлян-своеземцев стояли в некоторых деревнях: 12 ямлян жило в д. Терпигора, 17 человек упомянуто в сельце Коскола Луское, в двух деревнях с одинаковым названием Падоба на Лузе Подол и соседней с ней д. Жапино жило 16 человек. Деревни Кошкино на усть Сола реки, Парасолское Болото, Солское болото на р на Соле – так или иначе связаны с рекой Солой, правым притоком Луги (Книга ВП 1868: 886-892). Всего названо примерно 120 человек землевладельцев-ямлян (при более чем 200 дворах в самом городе в конце XV века)². В. Н. Бернадский писал о том, что 96 ямлян владели сельцом Ямская Весь в соседнем Опольском погосте (Бернадский 1961: 126). Своземцы Яма делились на три категории (лучшие, средние и молодые) Можно быть уверенными в том, что это – жители города Яма, составлявшие, наряду с помещиками и его гарнизон. Предполагать «московское» происхождение этих людей не приходится.

Интересной представляется возможность проследить то, как чин своеземца в Яме трансформировался с развитием московского разрядного администрирования, какие у ямлян возникали возможности во втором и третьем поколении жизни под властью Москвы. С этой целью следует провести некоторые генеалогические наблюдения. Возможность для таких наблюдений возникает в тех случаях, когда у

---

² Численность дворов города по работе В. Н. Бернадского (Бернадский 1961: 127).

своеземцев фиксируются устойчивые прозвища. Это происходит в меньшинстве случаев. В самом раннем описании Яма выделяются фамилии Колоколковых (Иван Гаврилков сын и Сава Захарьев сын), Рохновых (Михаль и Васюк) (Книга ВП 1868: 886-892). В. Н. Бернадский зафиксировал среди ямлян-владельцев сельца Ямская Весь их родственников: Палку и Федку Рохновых «с братьей». Несомненно, в связи с потомком кого-то из Рохновых был Демид Рохнов, известный в сентябре 1613 г. (Приходные книги 1613/14: 5-6)

Характер земельного владения ямгородских своеземцев в течение XVI в. все более напоминал поместный. Впрочем, еще А. М. Андрияшев указывал на то, что раздробленность земельных участков ямских своеземцев привела к 1571 г. к тому, что писцы Я. И. Муравьев и К. Кистечков «вынуждены были составить описание земель не по владельцам поместий, как это принято было для всех остальных погостов», а по селениям (Андрияшев 1913: 451). Мобилизация своеземческих «вотчин» происходила с помощью тех же бюрократических процедур, что и мобилизация поместий. Так, в 1594 г. по челобитной ямгородского земца Томила Котова ему вместо его старого поместья в д. Илкино, запустевшего «от войны неметцких людей» ему были пожалованы две обжи в д. Остров, «что бывала преж сего в поместье за ямогородским земцом за Савою за Голчановым, а ныне по обыску и отделным книгам земца Истома Голчанова» (Ввозная грамота 1594).

В 1601/02 г. ямгородский земец Зверь Брюхов судился с огородником Бориском о краденой «точе» (?). (Переписные книги 1584-1605: 191)). Его сын Никита Зверев сын Брюхов в 1603/04 г. был верстан на 20 четвертей и служил осадную службу в родном городе. На верстании в Ивангороде 27 сентября 1605 г. его оклад был поднят до 150 четвертей, а сам он написан «с пятиной вместе» (Мятлев 1911: 490). При этом других земцев Брюховых в десятне нет. Никита Брюхов в 1610 г. поддержал «Ивангородского вора» и в 1610/11 г. получил в пожалование 20 четвертей в Водской и Шелонской пятинах, ранее принадлежавшие земцу Постнику Язычкову.

В 1612/13 г. его поместье отошло другому ивангородскому земцу Гаврилу Вердяеву (Даточные книги 1612/13: 93–94). Другой сын Зверя Брюхова Семен пошел по пути подьяческой карьеры. Он служил в Новгородском Дворце уже в 1607/08 г. (Дело по челобитной Аксины Крекшиной 1612), 25 мая 1610 г., когда его брат «воровал» в Яме, Семен Брюхов, находившийся в Новгороде, поручился по Василию Павлову сыну Бражникову о службе в рассыльщиках Поместной избы (Поручная запись 1610). К 1614 г. Семен Брюхов получил назначение в дворцовое село Коростыни. Отсюда он бежал со службы в неизвестном направлении. В декабре 1614 г. крестьяне Коростынской волости дали ему лошадь крестьянина Первого Иванова. Семен Брюхов дал эту же лошадь внаем целовальнику Коростынской волости Матвею Сергееву. Уже в январе 1615 г. его нигде не могли разыскать (Допросные речи 1615). С его поручителей, среди которых находим его отца, Зверя Брюхова, 17 января 1615 г. было взыскано 3 рубля за присвоенного мерина (Память 1615).

В годы Смуты ямгородские своеземцы (земцы) Рыжковы, Лялины, Брюховы, Сольские – участники политических столкновений Смутного времени, всегда на стороне самозванцев, заметны среди приказных служителей и в XVII в.

И после 1611 г. ямгородские земцы продолжали нести службу в Яме. По челобитной группы ямгородских земцев Васьки Козлова, Афанасия Сольского и Демида Рохнова «с товарищи» от 4 сентября 1613 г. шведский наместник Дитлов фон Тизенгаузен и русский воевода Феокист Муравьев выделили им взамен утраченных вотчин (источник упоминает именно такой термин) по две обжи из дворцовых земель в Зарецком погосте (Приходные книги 1613/14: 5-6).

В. Н. Бернадский предложил модель для реконструкции того, как была создана группа ямских своеземцев. По его мнению, в момент создания крепости в конце XIV в. первым ямлянам были отданы во владение два больших села

(Неровское и Ямская Весь)³; таким образом первые жители пригорода стали коллективными землевладельцами (Бернадский 1961: 130)⁴. Таким образом, по Бернадскому, те, кто был записан в своеземцы были потомками таких первых ямлян, те же, кто в писцовой книге назван «городчанами» – это те, кто поселился в Яме позднее. Таким образом дается объяснение тому факту, что источники не показывают никакой имущественной дифференциации между этими двумя группами; стало быть, здесь мы сталкиваемся с каким-то иным расслоением, видимо связанное так или иначе с оседлостью.

Полагаю, что сложная структура чина своеземцев-ямлян, фиксируемая накануне 1500 г. является результатом того же самого живого бюрократического творчества московских дьяков этого времени. Утверждать, что такое деление (выделение своеземцев-ямлян) восходит к более раннему времени оснований, на мой взгляд, недостаточно. Уже в момент поглощения Новгородской земли московская бюрократия столкнулась с вызовом многообразия присоединенной территории. В каждом конкретном случае

---

³ Интересно и характерно географическое расположение этих сел. Ямская Весь (ныне д. Ямсковицы) располагалась в непосредственной близости от г. Ям. Ее название очевидно указывает на связь с городом. Село Неровское располагалось в месте впадения р. Росонь в р. Нарову, в непосредственной близости от устья Наровы. Очевидна топографическая связь этого села с местом закладки Ивангородской крепости. Согласно писцовой книге Матвея Валуева 1498 г. «в Ивангородском уезде на усть Поровы и Росони у моря» находилось село Норовское, по «старому письму» принадлежавшее совместно великому князю (1/3) и ямским своеземцам (2/3), причем «великого князя треть» была за ямским наместником. К 1498 г. великокняжеская часть была пожалована ивангородским торговым людям (Книга ШП 1886: 231).

⁴ В конце XV в. таким же образом наделялись деревнями «ивангородцы»: писцовая книга Шелонской пятины Матвея Валуева, составленная около 1498 г., упоминает у Ивангорода деревни «за ивангородцы» (дд. Тязино и Заханье. – Книга ШП 1886: 230). Полагаю, что эти деревни числились за всем Ивангородом, а не за пятибежниками-ивангородскими помещиками, о которых далее.

требовалось решать местные задачи, при этом соблюдая определенную упорядоченность в терминологии. Несколько сотен своеземцев-ямлян, структурированных в три статьи, в противоположность одному своеземцу в Ладогe, свидетельствует скорее всего о том, сколько ямлян (и сколько ладожан соответственно) требовалось новой власти для организации службы в Яме и Ладогe (при этом представители этой власти наверняка делали и ошибки). Один и тот же термин «своеземец» мог даже в этих городах нести различный смысл (пример с коллективным владением ямлян селами это, как мне кажется, доказывает). То же касается и экспериментов с территориальным делением на уезды, погосты, окологородья.

Формирование служилых людей-ивангородцев шло иным путем. Начиная с К. В. Базилевича (Базилевич 1945) исследователи связывают формирование этой группы служилых людей с роспуском дворов новгородских бояр и верстанием на службу выпущенных слуг (дискуссия преимущественно велась о том, были это «вольные слуги» или холопы).

Само строительство Ивангорода было первым важным военным мероприятием московской власти в покоренной Новгородской земле. Масштабы строительства на Нарове поражали современников-ливонцев (Клейненберг 1960). Однако Ивангород не выдержал первого нанесенного удара и в 1497 г. был взят и razoren шведским войском. Именно с этим временем В. Н. Бернадский связывает усилия московской власти по усилению ивангородского гарнизона путем массового верстания на службу бывших слуг новгородских бояр (Бернадский 1961: 325-327). Н. В. Мятлевым высказано мнение, что пятибежники – потомки ивангородских земцев (Мятлев 1911: 462, 494). В этом есть определенный резон, если принять во внимание мнение А. Колмогорова о том, что особенности расселения в Ямском и Ивангородском уездах (большое число крупных деревень, сел и селец) имела своей причиной своеобразное военное поселение новгородских служилых людей близ

границы с Орденом (Колмогоров 1994: 40-41). А. М. Андрияшев описывал Ивангородское околородье как территорию специально выделенную московскими чиновниками из Петровского погоста Ямского уезда, в междуречье Луги и Наровы (Андрияшев 1913: 445-446).

Земель в Ивангородском околородье для испомещения пятибежников не хватило (и доподлинно неизвестно, получили ли они поместные участки на левобережье Луги). Незадолго до составления писцовой книги Дм. Китаева (1500 г.) ивангородские помещики из послужильцев получили участки в Сумерской волости и в Водской пятине: во Врудском, Льешском, Ястребинском, Каргальском, Радчинском, Толдожском и Опоцком погостах. Всего было испомещено 90 человек ивангородцев; кроме того в писцовой книге названы имена 31 взрослого сына этих служилых людей. Поименно не названы ивангородцы-помещики Шелонской пятины, но В. Н. Бернадский предположил, что если обычный размер их поместий в Водской пятине достигал 4–6 беж (отсюда термин «пятибежники»), то на выделенных 215 обжах в Шелонской пятине могло быть испомещено соответственно немногим более 40 ивангородцев. В 80% случаев – это были действительно пятибежники. Испомещали обычно гнездами по несколько человек в одном селении. Их хозяйства могли оставаться не разделены, а доход – распределяться по «счету по обжам», т. е. арифметически. К. В. Базилевич уподобил поместье пятибежника кормлениям⁵.

Почти все ивангородцы Водской пятины были поверстаны из бывших слуг новгородских бояр⁶.

---

⁵ Мнение, вызвавшее отторжение у В. Н. Бернадского, однако сродни наблюдениям о первых поместьях в Новгородской земле М. М. Бенцианова.

⁶ Внимание к помещикам из бывших послужильцев связано с дискуссией о т. н. «Поганой писцовой книге» – местническом памфлете XVII в., сохранившемся во многих списках, в котором перечислены роды новгородских помещиков, происходившие от бывших холопов, как из упраздненных дворов новгородских бояр, так и из дворов известных московских бояр (Абрамович 1978). Дискуссии о «холопском»

В. Н. Бернадский справедливо замечал, что неразборчивое при верстании новгородских помещиков, московское правительство однако не допускало в их ряды новгородских бояр и житых. Единственное исключение было сделано для боярских послужильцев, большинство которых стали гарнизоном Ивангорода. Ученый связал это с военным значением Ивангорода, который не выдержал в 1497 г. своего первого военного испытания и нуждался в укреплении.

В данной хорошо аргументированной реконструкции лишь одно вызывает сомнение. Между падением Ивангорода в 1497 г. и роспуском новгородских боярских дворов прошло не менее 15-20 лет. Сложно представить, что весь этот срок бывшие боярские слуги оставались в Новгороде в каком-то резерве и лишь в момент возникновения новой острой опасности оказались поверстаны на службу. Гораздо логичнее датировать такое испомещение более ранними усилиями московской власти по строительству и укреплению новой крепости на Нарове.

Крайне интересны конкретные наблюдения В. Н. Бернадского над отдельными случаями испомещения пятибежников. Внимание ученого обратили на себя бывшие слуги новгородского боярина Богдана Есипова Гулидовы (Мятлев 1911: 462). Писцовая книга Водской пятины 1500 г. упоминает 8 ивангородцев-представителей этой фамилии, из которых пятеро получили жеребьи деревни Велькота Ратчинского погоста (к востоку от Яма) (Бернадский 1961: 329-331).

В разрядной документации середины XVI в. ярче всего использование пятибежников в военных действиях описано в Записной книге Полоцкого похода 1563 г. «В отряде

происхождении новгородских послужильцев не возникло; тогда как относительно происхождения послужильцев бояр-москвичей есть определенные сомнения. М. М. Бенцианову удалось показать, что испомещенные в разных новгородских пятинах послужильцы происходили не из распущенных дворов опальных московских бояр, но, скорее, сопровождали своих господ на службу в Новгород и там оказались верстаны на государеву службу (Бенцианов 2000: 248-250).

назначенного в Нарву окольничего П. П. Головина было 61 помещик Водской пятины, 50 помещиков Ругодивского уезда и 30 пятибежников, в отряде его товарища, кн. Ивана Бабичева 31 помещик Водской пятины и 25 пятибежников, в Ивангороде продолжало служить 35 пятибежников, в Сыренске (Нейшлоте) – 15 пятибежников⁷. Таким образом, перейдя Нарову пятибежники (всего их к этому моменту числится 80) располагались в принаровских крепостях. По наблюдениям М. А. Дьяконова, пятибежники часто служили городовыми приказчиками, собственно пятибежный оклад был положен за эту службу (Дьяконов 1900: 66). Десятня 1605 г. не делает различий между земцами и пятибежниками: так, братья Гришка, Никитка и Докучайка Павловы дети Рагуиловские названы одновременно «земцами в Ивангороде» и «пятибежниками» (Мятлев 1911: 494).

Пятибежники Гулидовы, о которых писал В. Н. Бернадский, не исчезли со страниц источников, в отличие от значительной части представителей этого чина. В писцовой книге Я. И. Муравьева и К. Кистечкова 1571 г. упоминается пятибежник И. М. Гулидов в Ивангородском околородье, владевший жеребьем в с. Тявзино (Книга ШП 1905: 567-568). Вместе с тем, другие известные в 1498 и 1571 гг. пятибежники (Ворлыгины, Крокольские) исчезают со страниц источников⁸. В начале XVII в. в разрядном и

---

⁷ «В Ругодиве с Дмитриева дни другой год околничей Петр Петрович Головин да князь Иван княж Иванов сын Бабичев. А с околничим с Петром Головиным детей боярских ноугородцких помещиков Вотцкие пятины дворовых и городовых 61 ч., да ругодивских помещиков 50 ч., да пятибежников 30 ч., а со князем Иваном Бабичевым детей боярских Вотцкие пятины 31 ч., да пятибежников 25 чел.; и всех в Ругодиве 197 ч. На Иване городе с Троицына дни... , с Ыльина дни 71 г. Дмитрий Федоров сын Нашекин, а з Дмитрием пятибежников 35 ч. В Сыренске Иван Васильев сын Саблин Беклемишев, а с ним пятибежников 15 ч.» (Книга Полоцкого похода 2004: 83-84).

⁸ 27 июля 1612 г. в Шелонской пятине упомянута «Деревня вдовы Агафьи Ивановы жены Кроколского» с помещицким двором (Обыскные книги 1612: 90).

поместном делопроизводстве ямляне-своеземцы и ивангородские пятибежники уже не различаются. Юрий Гулидов назван в даточной книге Водской пятины 1612/13 г. ямгородским своеземцем; В 1612/13 г. 50 четвертей его поместья (то есть, собственно, пять беж) в д. Нижний Конец на реке Меньшой Луге перешло ямгородскому своеземцу Томиле Котову (Даточные книги 1612/13: 40-41). Его дальний (?) родственник Семен Копосов сын Гулидов довольно известен по источникам начала XVII в. Он упомянут среди получивших поместье в Кипенском погосте после отвоевания Копорья, Яма и Ивангорода в 1590-е гг. Однако он уже не был пятибежником, добившись к 1612/13 г. оклада в 250 четвертей (Дело по челобитной Семена Гулидова 1612; Дело по челобитной Никиты Зиновьева 1615; Даточные книги 1612/13: 46). С. К. Гулидов погиб весной 1615 г., его дети Еремей и Ефим служили уже как новгородские дети боярские в середине XVII в. (Переписная книга 1646/47: 559; Запись Ефима Муравьева 1669) Особой была судьба ямгородских земцев, присягнувших Густаву Адольфу и ставших жителями шведской Ингерманландии. После Столбовского мира они, как и большинство ямгородцев, остались в Яме. Служба их была примерно той же, какую исполняли их отцы и деды в XVI в. — посыльная и проч. Интересно, что в русских документах этого времени они продолжают именоваться своеземцами. Следуя общей тенденции к упрощению чиновной структуры, характерной для Московского государства, равно как и для русских подданных шведской короны, ивангородские и ямские служилые люди постепенно смешиваются как друг с другом, так и с другими городскими слоями. Ямгородский земец Дурак Бабин судился в 1618 г. с посадским ямлянином Богданом Васильевым; в те же годы упомянут явный его родственник Алексей Матвеев сын Бабин, бравший на оброк в 1618 – 1619 гг. ивангородский кабак и заднюю мельницу на Нарвском пороге (Bengt Halsolls Räkenskap 1618-1619).

Показательна судьба ямогородских своеземцев Рыжковых. В 1623/24 г. четверо братьев Рыжковых, Степан, Петр, Иван Большой и Иван Меньшой с семьями и матерью

решили уйти на московскую сторону. Они оставили свою мать в Шелонской пятине, а сами объявились в Москве. Однако из Москвы Рыжковых выслали в Новгород, а оттуда (6 мая 1624 г.) назад в Ингерманландию, во исполнение Столбовского договора. После возвращения ивангородский комендант посадил их в тюрьму в Яме и написал об их бегстве за рубеж королю. В тюрьме Рыжковы сидели десять недель, после чего по королевскому приказу были выпущены и отданы на поруки. Поручителей по старшим братьям, Степане и Петре найти удалось, а двоих Ивашек выпустили без поручной. В 1625/26 г. Степан Рыжков и Иван Меньшой были отправлены в Стокгольм. Перед отъездом С. Рыжков просил губернатора Н. А. Маннершельда, чтобы тот отпустил Ивашка Большого (челобитчика) на московскую сторону, где оставалась жить их мать. Она жила в Сомерской волости, у своего зятя сына боярского Макария Плешкова. Маннершельд отпустил Ивана Рыжкова идти куда захочет, и 2 сентября 1626 г. он приехал в Новгород с отпускной грамотой. В ней, написанной, вероятно, по-русски 8 августа 1626 г., было отмечено, что «он здесь у нас не нужен, потому что он неполново разума». Из Новгорода Иван Рыжков был отправлен в Москву в Посольский приказ. Там он в расспросе сказал то же, что и в Новгороде, «что они по государеву указу четыре их брата, высланы за рубеж в немцы, а мать их для увечья, что она слепа, за рубеж не выслана, и ныне живет в Ноугородцком уезде у зятя своего у ноугородца сына боярсково у Ивана Глотова, а на него, на Ивашка, на Москве знатцы есть, брат ему двоюродный Онанья Пятин сидит в Поместном приказе в подьячих, и порука по нему на Москве во всяком воровстве будет» (Дело по челобитной Ивана Рыжкова 1626). Онанья Пятин, служащий подьячим Поместного приказа, также происходил из ямогородских земцев. В 1628 г. Степан Рыжков и его братья служили зерновыми писцами в Яме (Pereswetoff-Morath 2012: 94–95). В 1636 г. имя Степана Рыжкова неоднократно встречается в дипломатической переписке между Новгородом и Нарвой.

В ней он именуется «ивангородским подьячим» (Грамота Репнина Маннершельду 1636).

Северо-западные районы Новгородской земли, ставшие в 1470-е гг. пограничьем Московского государства получили в эти первые годы московской власти новое устройство. Были проведены территориальная реформа, а также организация службы. В результате первого были образованы уезды двух крепостей – Яма и Ивангорода, вокруг них были сформированы служилые чины ямских своеземцев и ивангородцев-пятиобежников. Оба этих чина относились к низам служебной организации Новгорода Великого. Бурные события XVI – начала XVII в. вели так или иначе к существенному упрощению чиновной организации; в конце XVI в. разрядная документация не делала принципиальной разницы между своеземцами и пятиобежниками. После Столбовского мира 1617 г., когда Ивангород и Ям вошли в состав Шведского королевства, оставшиеся на его территории потомки ямских своеземцев и ивангородских пятиобежников влились в число горожан.

Принятые сокращения

ВОИДР	–	Вестник Общества истории и древностей Российских
РГАДА	–	Российский государственный архив древних актов
RA	–	Riksarkivet, Stockholm
NOA	–	Ockupationsarkivet från Novgorod
СПбИИ	–	Санкт-Петербургский институт истории РАН
ЖМНП	–	Журнал Министерства народного просвещения

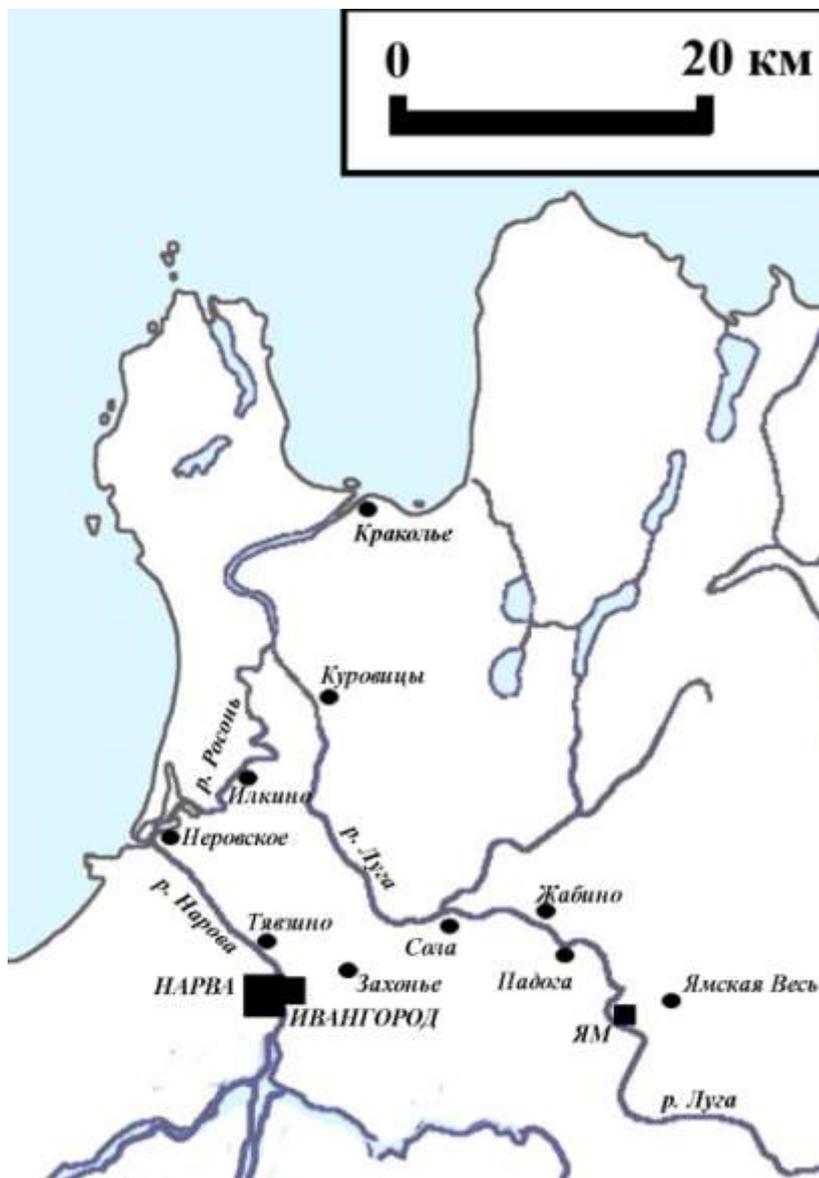

Рис. 1

Автор: Селин Адриан Александрович – доктор исторических наук, профессор Департамента истории Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Санкт-Петербургский филиал (ул. Промышленная, д. 17, Санкт-Петербург, 198099, Россия). adrian.selin@gmail.com

Литература, использованная в статье

Абрамович 1978 – *Абрамович Г. В.* Поганая писцовая книга // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. 9. Л., 1978. С. 173-194.

Андряшев 1913 – *Андряшев А. М.* Материалы для исторической географии Новгородской земли. Часть 1. Списки селений. М., 1913. 630 с.

Базилевич 1945 – *Базилевич К. В.* Новгородские помещики из послужильцев в конце XV в. // Исторические записки. М., 1945. Т. 14. С. 62-80.

Баранов 2000 – *Баранов К. В.* Новые сведения о первых писцовых описаниях Новгородской земли // Очерки феодальной России. М., 2000. Т. 4. С. 85-97.

Бенцианов 2000 – *Бенцианов М. М.* Дети боярские «наугородские помещики». Новгородская служилая корпорация в конце XV – середине XVI в. // Проблемы истории России. Екатеринбург, 2000. Вып. 3. С. 241-277.

Бернадский 1961 – *Бернадский В. Н.* Новгород и Новгородская земля в XV веке. М.; Л., 1961. 399 с.

Бессуднова 2015 – *Бессуднова М. Б.* Россия и Ливония в конце XV века. Истоки конфликта. М., 2015. 488 с.

Ввозная грамота 1594 – Ввозная грамота кн. Михаила Ивановича Кропоткина и Федора Ададунова земцу Томиле Котову на деревню на Острове в Ямском околородье Шелонской пятины. 1594, февр. // *Баранов К. В.* Новые документы из истории новгородской и псковской служилых корпораций XVI – начала XVII века. № 10 // Русский дипломатарий. Вып. 5. М., 1999. С. 130-131.

Грамота Репнина Маннершельду 1636 – Грамота новгородского воеводы кн. П. А. Репнина губернатору Ингерманландии Н. А. Маннершельду с претензией, что тот не принял прежний лист и с запросом титулов королевы Кристины. 19 марта 1636 г. // Архив СПбИИ. Ф. 109. Д. 573.

Даточные книги 1612/13 – Даточные книги Водской пятины. 1612/13. Без начала // RA. NOA. Serie 1:37.

Дело по челобитной Аксиньи Крекшиной 1612 – Дело по челобитной вдовы Аксиньи, жены Ратая Крекшина о том, что деньги в Дворцовый приказ за 7116, 7117 и 7118 годы ей уже уплачены. Март 1612 г. // RA. NOA. Serie 2:351. Л. 382-387.

Дело по челобитной Ивана Рыжкова – Дело по челобитной выходца Ивана Рыжкова о даче ему жалованья за выход. 1626, октября после 24 // РГАДА. Ф. 96. 1626. Д. 3. Л. 242-250.

Дело по челобитной Никиты Зиновьева 1615 – Дело по челобитной Никиты Зиновьева о даче ему на оброк пустоши Охоны в Кипенском погосте. 1615 апреля // RA, NOA. Serie 2: 317. Л. 6-13.

Дело по челобитной Семена Гулидова 1612 – Дело по челобитной о поместье Семена Копосова сына Гулидова. 1612 сентября // RA, NOA. Serie 2: 114.

Допросные речи 1615 – Допросные речи крестьян дворцовой Коростынской волости о лошади крестьянина Первого Иванова. 12 января 1615 г. // RA, NOA. Serie 2:122. Л. 52.

Дьяконов 1900 – *Дьяконов М. А.* Городовые приказчики. Очерк из истории местного управления в Московском государстве XVI века // ЖМНП. 1900. Янв. Ч. 327.

Запись Ефима Муравьева 1669 – Запись Ефима Афанасьева сына Муравьева и Ефима Семенова сына Гулидова о полюбовном разделе п. Дубровки и д. Волкина Тесовской волости. 1669. 8.06 // Архив СПбИИ. Кол. 195. Оп. 1. Д. 73/4.

Клейнберг 1960 – *Клейнберг И.* Мероприятия Русского государства по укреплению Нарвской границы в конце XV века // Военно-исторический журнал. 1960. № 6. С. 125-127.

Книга ВП 1851 – Переписная и окладная книга Водской пятины. Вторая половина / Публ. М. А. Оболенского // ВОИДР. М., 1851. Т. 11.

Книга ВП 1868 – [Писцовая книга Водской пятины письма Д. И. Китаева и Н. Г. Моклокова. Около 1500 г. 1-я половина] // Новгородские писцовые книги, изданные Археографической комиссией / Подг. П. И. Савванитов, А. Тимофеев. СПб., 1868. Т. 3.

Книга Полоцкого похода 2004 – Книга Полоцкого похода 1563 г. Исследование и текст. СПб., 2004. 107 с.

Книга ШП 1886 – [Писцовая книга Шелонской пятины письма М. И. Валуева. Около 1498 г.] // Новгородские писцовые книги, издаваемые Археографической комиссией / Подг. А. И. Тимофеев. Т. 4. СПб., 1886.

Книга ШП 1905 – [Писцовая книга Шелонской пятины письма и меры Я. И. Муравьева и подьячего К. Кистечкова. 1571 г.] // Новгородские писцовые книги, издаваемые Археографической комиссией. Т. 5. / Подг. С. К. Богоявленский. СПб., 1905.

Колмогоров 1994 – *Колмогоров А. Н.* Новгородское землевладение XV века. М., 1994. 127 с.

Мятлев 1911 – Десятня Водской пятины 1605 года / Подг. Н. В. Мятлевым // Известия Русского генеалогического общества. 1911. Вып. 4.

Обыскные книги 1612 – Обыскные книги Шелонской пятины Зарусской половины Якова (Вильяна) Федоровича Березина, Александра Агафоновича Одинцова и подьячего Семена Шустова. 1612 // RA. NOA, Serie I: 28.

Память 1615 – Память из Дворцового приказа подъячему доправить на поручителях Семена Зверева 3 рубля и отдать их дворцовому крестьянину П. Иванову. 17 января 1615 г. // RA. NOA. Serie 2:122. Л. 53.

Переписная книга 1646/47 – Переписная книга Зарусской и Залесской половин Шелонской пятины переписи Степана Глебова. 1646/47 // РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 310.

Переписные книги 1584–1605 – Переписные книги судных, разбойных и татейных дел, записок и приходные пошлинных денег с судных и управных дел и холопы Новгородского Судного приказа при разных воеводах и владыках. 1584–1605 г. // Архив СПбИИ. Кол. 2. Оп. 1. Д. 12.

Поручная запись 1610 – Поручная запись по Василии Павлове сыне Бражникове о службе в рассыльщиках Поместной избы. 25 мая 1610 г. // RA. NOA. Serie 2:335. Л. 5.

Приходные книги 1613/14 – Приходные книги пошлинных денег с поместных дел Деревской, Водской и Шелонской пятин. 1613/14 // RA. NOA, Serie I: 44.

Селин 2016 – *Селин А. А.* Русско-шведская граница. 1617–1700. Формирование, функционирование, наследие. Исторические очерки. СПб., 2016. 864 с.

Фролов 2008 – *Фролов А. А.* Новый взгляд на территориально-административную систему земель Господина Великого Новгорода // Новгородский исторический сборник. Вып. 11 (21). СПб., 2008. С. 151-165.

Bengt Halsolls Räkenskap 1618-1619 – Bengt Halsolls Räkenskap för Ivangorod. 1618-1619 // RA. Kammararkivet. Baltiska fogderäkenskaper. F. 415. Nr.13.

Pereswetoff-Morath 2012 – *Pereswetoff-Morath A. I.* Isaak Torčakov – en ingermanländsk diak // *Novgorodiana Stockholmiensia*. Stockholm; Novgorod, 2012. S. 80-110 (Stockholm Slavic Papers. 19).

Information about the article

Author: Selin Adrian Aleksandrovich – Doctor of History, Professor, Department of History, National Research University – Higher School of Economics, St. Petersburg Campus (17, Promyshlennaya ulitsa, St.Petersburg, 198099, Russia). adrian.selin@gmail.com

Title: Studying Personal Composition of Landowners in North-West part of Novgorod Land in late 15th c.

Summary: The article is study of history of svoezemtsy (self-owners) and pyatiobezhniki (5-obzha-owners) ranks shaping in the North-West border of Novgorod Land immediately after the fall of independent Novgorod. The issue of the new rank-constructing by Muscovite secretaries in dependence of concrete political-geographical circumstances is under consideration. The language of acts and deeds was created just by occasion as a reply to the challenge of diversity of Muscovite state. Narva area as a borderland where just in late 15th century the

confrontation was bloated, was a special polygon of complicated new hierarchy building.

Cultural gap between Christian West and East had determinate early appearance of borderline concept between Novgorod and Livonian Order and also between Novgorod and Sweden. The borderlands along Narova changed greatly after including Novgorod in the Muscovite empire. It was the point where Muscovy had firstly touched with Western civilization. Novgorod which had been speaking on the same language of liberal values, was changed with Muscovy always ready to expanse. That led to cultural and intellectual conflict in borderline communication.

Building Ivangorod on Narova in front of Narva fortress was not an action of trade concurrency but of military confrontation. The space between Narova and Luga was divided into small parts given to servicemen with duty to defend both fortresses. The settlement system on the right bank of Narova had changed principally. There is enough data to have a prosopographical study on the servicemen social group; also to study the evolution of this group in 1490s – 1617. Livonia did not succeed in reaction on the challenges appeared in 1470s in its East border. The diffusion space of Narova river with common usage of the river and local trade in late 15th c. was changed with impervious limit with violence escalation from the Muscovite side.

The possibility of identification of ranks and social groups is contested in the article. The issue of the development of rank system in the direction of simplification is considered.

Key words: self-owners, 5-obzha-owners, Ivangorod, Jam, rank, diversity

References (transliteration)

Abramovich G. V. Poganaja piscovaja kniga [Pagan Record Book]. *Vspomogatel'nye istoricheskie discipliny*. 1978, no. 9, pp. 173-194. (In Russian).

Andrijashev A. M. *Materialy dlja istoricheskoj geografii Novgorodskoj zemli. Chast' 1. Spiski selenij* [Materials on the historical geography of Novgorod Land. Part 1. List of settlements]. Moscow, 1913. 630 p. (In Russian).

Bazilevich K. V. Novgorodskie pomeshiki iz poslužil'cev v konce XV v. [Novgorod landowners – former slaves in late 15th c.]. *Istoricheskie zapiski*. 1945, vol. 14, pp. 62-80. (In Russian).

Baranov K. V. Novye svedenija o pervyh piscovyh opisanijah Novgorodskoj zemli [New data on the first records of Novgorod Land], in: *Očerki feodal'noj Rossii*. Moscow, 2000. Vol. 4, pp. 85-97. (In Russian).

Bencianov M. M. Deti bojarskie «naugorodskie pomeshiki». Novgorodskaja služhilaja korporacija v konce XV – seredine XVI v. [Gentlemen “Novgorod Landowners”. Novgorod Servicemen in Late 15 – mid-16th c.]. *Problemy istorii Rossii*. 2000, no. 3, pp. 241–277. (In Russian).

Bernadskij V. N. *Novgorod i Novgorodskaja zemlja v XV veke* [Novgorod and Novgorod Land in 15th c.]. Moscow; Leningrad, 1961. 399 p. (In Russian).

Bessudnova M. B. *Rossija i Livonija v konce XV veka. Istoki konflikta* [Russia and Livonia in late 15th c. Roots of the Conflict]. Moscow, 2015. 488 p. (In Russian).

Vvoznaja gramota kn. Mihaila Ivanovicha Kropotkina i Fedora Adadurova zemcu Tomile Kotovu na derevnju na Ostrove v Jamskom okologorod'e Shelonskoj pjatiny [Land Order by Prince M. I. Kropotkin and Fedor Adadurov to local owner Tomilo Kotov]. 1594, fevr., in: *Russkij diplomatarij*. 1999, no. 5, pp. 130-131. (In Russian).

Gramota novgorodskogo voevody kn. P. A. Repnina gubernatoru Ingermanlandii N. A. Mannershel'du s pretenzij, chto tot ne prinjal prezhnij list i s zaprosom titulov korolevy Kristiny. 19 marta 1636 g. [Letter by Novgorod Governor Prince Petr Replin to Ingermanland Governor Nils Mannersköld]. *The Scientific and Historical archive of Saint Petersburg Institute of History (N. P. Lihachov mansion) of Russian Academy of Sciences*. F. 109. D. 573. (In Russian).

Datochnye knigi Vodskoj pjatiny. 1612/13. Bez nachala [Landgiving Books of Vodskaja pyatina. No beginning]. *Riksarkivet, Stockholm. Ockupationsarkivet från Novgorod*. Serie 1:37. (In Russian).

Delo po chelobitnoj vdovy Aksin'i, zheny Rataja Krekshina o tom, chto den'gi v Dvorcovyj prikaz za 7116, 7117 i 7118 gody ej uzhe uplacheny [Case on the Petition by Aksinia Krekshina to check her taxes]. Mart 1612 g. *Riksarkivet, Stockholm. Ockupationsarkivet från Novgorod*. Serie 2:351. L. 382-387. (In Russian).

Delo po chelobitnoj vyhodca Ivana Ryzhkova o dache emu zhalovan'ja za vyhod [Case on the Petition by Ivan Ryzhkov for money for coming]. 1626, oktjabrja posle 24. *Russian State Archives for Ancient Acts*. F. 96. 1626. D. 3. L. 242-250. (In Russian).

Delo po chelobitnoj Nikity Zinov'eva o dache emu na obrok pustoshi Ohony v Kipenskom pogoste [Case on the Petition by Nikita Zinovjev for land rent]. 1615 aprelja. *Riksarkivet, Stockholm. Ockupationsarkivet från Novgorod*. Serie 2: 317. L. 6-13. (In Russian).

Delo po chelobit'ju o pomest'e Semena Koposova syna Gulidova [Case on the Petition by Semen Gulidov for a land estate]. 1612 sentjabrja. *Riksarkivet, Stockholm. Ockupationsarkivet från Novgorod*. Serie 2: 114. (In Russian)

Doprosnye rechi krest'jan dvorcovoj Korostynskoj volosti o loshadi krest'janina Pervogo Ivanova [Interrogation of Korostyn District peasants]. 12 janvarja 1615 g. *Riksarkivet, Stockholm. Ockupationsarkivet från Novgorod*. Serie 2:122. L. 52. (In Russian).

D'jakonov M. A. Gorodovye prikazchiki. Ocherk iz istorii mestnogo upravljenija v Moskovskom gosudarstve XVI veka [Town Officers. Sketches in the History of Local governing in 16th c. Muscovite State]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 1900. Janv, pt. 327. (In Russian).

Zapis' Efima Afanas'eva syna Murav'eva i Efima Semenova syna Gulidova o poljubovnom razdele p. Dubrovki i d. Volkina Tesovskoj volosti [Record of land dividing by Efim Muravjev and Efim Gulidov]. 1669. 8.06. *The Scientific*

and Historical archive of Saint Petersburg Institute of History (N. P. Lihachov mansion) of Russian Academy of Sciences. Kol. 195. Op. 1. D. 73/4. (In Russian).

Klejnberg I. Meroprijatija Russkogo gosudarstva po ukrepljenju Narvskoj granicy v konce XV veka [Measures of Russian State on forcing the Narva border in late 15th c.]. *Voенно-istoricheskiј zhurnal*. 1960, no. 6, pp. 125-127. (In Russian).

Perepisnaja i okladnaja kniga Vodskoj pjatiny. Vtoraja polovina / Publ. M. A. Obolenskogo [Record Book of Vodskaja pyatina. 2nd part]. *Vestnik Obshchestva istorii i drevnostey Rossijskikh*. Moscow, 1851. Vol. 11. (In Russian).

[Piscovaja kniga Vodskoj pjatiny pis'ma D. I. Kitaeva i N. G. Mokloкова. Okolo 1500 g. 1-ja polovina] [Record book of Vodskaja pyatina] *Novgorodskie piscovye knigi, izdannye Arheograficheskoј komissiej* / Ed. by P. I. Savvaitov, A. Timofeev. St. Petersburg, 1868. Vol. 3. (In Russian).

Kniga Polockogo pohoda 1563 g. Issledovanie i tekst [Record Book of Polotsk military campaign 1563. Study and text]. St. Petersburg, 2004. 107 p. (In Russian).

[Piscovaja kniga Shelonskoј pjatiny pis'ma M. I. Valueva. Okolo 1498 g.] [Record Book of Shelonskaja pyatina]. *Novgorodskie piscovye knigi, izdavaemye Arheograficheskoј komissiej* / Ed. by A. I. Timofeev. St. Petersburg, 1886. Vol. 4. (In Russian).

[Piscovaja kniga Shelonskoј pjatiny pis'ma i mery Ja, I. Murav'eva i pod'jachego K. Kistechkova. 1571 g.] [Record Book of Shelonskaja pyatina], in: *Novgorodskie piscovye knigi, izdavaemye Arheograficheskoј komissiej* [Record Book of Ngorod. Edition of the Archaeographic Commission] / Ed. by S. K. Bogojavlenskij. St. Petersburg, 1905. Vol. 5. (In Russian).

Kolmogorov A. N. *Novgorodskoe zemlevladienie XV veka* [Novgorod Landownership in 15th c.]. Moscow, 1994. 127 p. (In Russian).

Desjatnja Vodskoj pjatiny 1605 goda [Gentry List of Vodskaja pyatina, 1605] / Ed. by N. V. Mjatlev. *Izvestija Russkogo genealogicheskogo obshhestva*. 1911, issue 4. (In Russian).

Obysknye knigi Shelonskoј pjatiny Zarusskoј poloviny Jakova (Vil'jana) Fedorovicha Berezina, Aleksandra Agafonovicha Odincova i pod'jachego Semena Shustova. 1612 [Searching Record of Shelonskaja pyatina]. *Riksarkivet, Stockholm. Ockupationsarkivet från Novgorod*. Serie I: 28. (In Russian).

Pamjat' iz Dvorcovogo prikaza pod'jachemu dopravit' na poruchiteljah Semena Zvereva 3 rublja i odat' ih dvorcovomu krest'janinu P. Ivanovu. 17 janvarja 1615 g. [Memory of Court Office to recover bail money]. *Riksarkivet, Stockholm. Ockupationsarkivet från Novgorod*. Serie 2:122. L. 53. (In Russian).

Perepisnaja kniga Zarusskoј i Zaleskoј polovin Shelonskoј pjatiny perepisi Stepana Glebova [Record Book of Shelonskaja pyatina]. 1646/47. *Russian State Archives of Ancient Acts*. F. 1209. Op. 1. D. 310. (In Russian).

Perepisnye knigi sudnyh, razbojnyh i tatejnyh del, zapisok i prihodnye poshlennyh deneg s sudnyh i upravnyh del i holop'i Novgorodskogo Sudnogo prikaza pri raznyh vovodah i vlad'ykah. 1584–1605 gg. [Record Book of Court

Fees in Novgorod]. *The Scientific and Historical archive of Saint Petersburg Institute of History (N. P. Lihachov mansion) of Russian Academy of Sciences*. Kol. 2. Op. 1. D. 12. (In Russian).

Poruchnaja zapis' po Vasilii Pavlove syne Brazhnikove o sluzhbe v rassyl'shhikah Pomestnoj izby [Charging Record on Vassilij Brazhnikov]. 25 maja 1610 g. *Riksarkivet, Stockholm. Ockupationsarkivet från Novgorod*. Serie 2:335. L. 5 (In Russian).

Prihodnye knigi poshlinnyh deneg s pomestnyh del Derevskoj, Vodskoj i Shelonskoj pjatin [Income record books from Derevskaja, Vodskaja and Shelonskaja pyatinas]. 1613/14. *Riksarkivet, Stockholm. Ockupationsarkivet från Novgorod*. Serie I: 44. (In Russian).

Selin A. A. *Rusko-shvedskaja granica. 1617–1700. Formirovanie, funkcionirovanie, nasledie. Istoricheskie ocherki* [Russian-Swedish Border 1617-1700. Shaping, Functioning, Heritage. Historical Essays]. St. Petersburg, 2016. 864 p. (In Russian).

Frolov A. A. Novyj vzgljad na territorial'no-administrativnuju sistemu zemel' Gospodina Velikogo Novgoroda [New View on Territorial-Administrative division system in Novgorod Land]. *Novgorodskij istoricheskij sbornik*. 2008, no. 11 (21), pp. 151-165. (In Russian).

Bengt Halsolls Räkenskap för Ivangorod [Bengt Halsoll's Record Books of Ivangorod]. 1618-1619 *Riksarkivet, Stockholm. Kammararkivet. Baltiska fogderäkenskaper*. F. 415. Nr.13. (In Swedish).

Pereswetoff-Morath A. I. Isaak Torčakov – en ingermanländsk diak [Isaak Torčakov – Secretary in Ingermanland] *Novgorodiana Stockholmiensia*. Stockholm; Novgorod, 2012, pp. 80-110. (=Stockholm Slavic Papers. 19). (In Swedish).

The paper submitted on 07.04.2017

The paper is admitted for publication on 01.06.2017